

Список цитируемых источников

1. Белова, З. С. Визуализация теоретических знаний – общенаучная проблема / З. С. Белова // Социально-гуманитарные знания. — 2008. — №3. — С. 269—280.
2. Браташ, В. С. Современный этап трансформации учебного текста: доминирование визуального компонента / В. С. Браташ, Т. Г. Галактионова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Педагогика и психология». — 2020. — 107—117 с.
3. Семенова, В. В. Письмо редакторов / В. В. Семенова, Е. Ю. Рождественская, И. Н. Тартаковская // Интеракция. Интервью. Интерпретация. — 2018. — Т. 10, № 15. — С. 5.
4. *Bou Hachem A. Avant-propos* / A. Bou Hachem, F. La Rocca // *Societes*. — 2007. — N 96 (2). — P. 5—8.
5. Колодий, Н. А. Визуальный поворот и его влияние на социальное познание / Н. А. Колодий, В. В. Колодий. // Известия Томского политехнического университета. — 2010. — С.146—152.
6. *Osipenko, L. Place and role of visualization among the modern methodological tools of higher education process* / L. Osipenko, V. Guseva. // *Education and Information Technologies*. — 2022. — P. 3667—3680.
7. *Brucker, B. Learning with dynamic and static visualizations Realistic details only benefit learners with high visuospatial abilities* / B. Brucker, K. Scheiter, P. Gerjest // *Computers in Human Behavior*. — 2014. — P. 330—339.
8. Игна, О. Н. «Миражи» и «Явь» визуализации в современном образовательном процессе / О. Н. Игна, М. А. Червонный, Б. С. Уалихована. // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА Journal of Visual Semiotics). — 2023. — Вып. 3 (37). — С. 9—36.

УДК 159.922.8

Т. Е. Яценко, Е. А. Полховская

Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь

ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕТАКОГНИТИВНОЙ ВКЛЮЧЁННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИКТИМНЫХ ДЕВУШЕК, ОБУЧАЮЩИХСЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ

В статье актуализирована проблема когнитивной активности виктимной личности и ее регуляции посредством метакогнитивной включенности. Раскрыта сущность метакогнитивной включенности в деятельность и виктимности. Описаны эмпирически установленные характеристики метакогнитивного знания и метакогнитивного регулирования как составляющих метакогнитивной включенности девушек, обучающихся на первом и четвертом курсе в университете, демонстрирующих склонность к виктимности, аутовиктимности и гипервиктимности.

Ключевые слова: виктимность; метакогнитивная включённость; метакогнитивное знание; метакогнитивное регулирование; познавательная деятельность; девушки; университет.

Библиогр.: 12 назв.

T. E. Yatsenko, E. A. Polkhovskaya
Baranavichi State University, Baranovichi, Belarus

CHARACTERISTICS OF METACOGNITIVE INVOLVEMENT IN THE ACTIVITIES OF VICTIM GIRLS STUDYING AT UNIVERSITY

The article actualizes the problem of cognitive activity of a victim personality and its regulation by means of metacognitive involvement. The essence of metacognitive involvement in activity and victimhood is revealed. The empirically established characteristics of metacognitive knowledge and metacognitive regulation as components of metacognitive involvement of girls studying in the first and fourth years at the university, demonstrating a tendency to victimhood, autovictimhood and hypervictimhood are described.

Key words: victimhood; metacognitive involvement; metacognitive knowledge; metacognitive regulation; cognitive activity; girls; university.

Ref.: 12 titles.

Введение. Современный мир характеризуется распространением культуры виктимности, для которой характерно популяризация идеи героизма жертв социального происхождения, трансляция идеи о том, что обвинение других, навешивание ярлыка обидчика наряду с достижением максимальной гласности в освещении своих мнимых и преувеличенных страданий является эффективным способом восстановления субъективной и эгоистической справедливости в отношении себя, позволяющим самым простым путем удовлетворить фрустрированные потребности, не прилагая значимых усилий в достижении реальных результатов в деятельности. Современные исследователи акцентируют внимание на распространяющейся проблеме массовизации культуры виктимности, внедрения виктимных стратегий в стиль мышления и поведения современной молодежи, возникновение стремления молодежи к намеренному воспроизводству виктимных моделей поведения в манипулятивных целях [1].

Современные исследования в большей степени посвящены исследованию профиля личности, стратегий поведения, стратегий совладания, ценностно-смысловой сферы виктимной личности. Однако

исследования когнитивной сферы виктимной личности являются точечными, фрагментарными. В то время как когнитивные искажения выступают одним из предикторов формирования культуры виктимности. В частности, Г. Лукьянофф и Дж. Хайдт описывают когнитивные заблуждения, являющихся имплицитными предпосылками культуры виктимности: охранять себя от боли и эмоциональных травм; доверять своим чувствам, не подвергая их сомнению; дифференциация людей на хороших и плохих с убеждением, что хорошие люди должны бороться против плохих людей [2].

На наш взгляд, наряду с изучением специфики функционирования отдельных познавательных процессов виктимной личности существенное значение имеет исследование метапознания, выполняющего системную функцию в отношении отдельных познавательных процессов. Метапознание трактуется как «психическая деятельность человека, в процессе которой осуществляются изучение, контроль и управление собственными познавательными процессами» [3, с. 126].

Метакогнитивная включенность в деятельность состоит из метакогнитивного знания (сочетание декларативного, процедурного знания и знания об обстоятельствах применения когнитивных стратегий) и метакогнитивного регулирования (состоит из планирования, владения стратегиями управления информацией, контроля промежуточных результатов познания, владение стратегиями исправления ошибок и самооценки результата познания) [4]. Исследованию метакогнитивной включенности посвящены труды таких ученых, как С. В. Балджиканли, С. С. Джонсон, А. А. Карпов, А. И. Кулакова, В. Томпсон, М. А. Холодная [5; 6; 7; 8].

Основная часть. Термин «виктимность как способность при определенных обстоятельствах стать жертвой преступления или неспособность избежать такой опасности там, где она объективно могла быть предотвращена», введен в научный оборот Л. В. Франком [9].

По И. Г. Малкиной-Пых виктимность — это физические, психические и социальные черты и признаки, которые создают предрасположенность к превращению человека в жертву [10, с. 5].

Согласно М. А. Одинцовой, виктимность является «устойчивой личностной особенностью, обусловленной совокупностью индивидуально-типологических, характерологических детерминант, взаимодействующих с внешними факторами, не всегда связанными с ситуациями насилия, но способствующими виктимной активности, находящей воплощение в игровой или социальной ролях жертвы» [11, с. 79].

По определению Т. Е. Яценко, виктимность является «социально-психологическим свойством личности, воплощающимся в исполнении индивидами роли реальной/мнимой жертвы, для которой характерно неэффективное сопротивление нарушению границ своего психологического пространства и уклонение от позиции субъекта жизнедеятельности, обуславливающее их психологическую виктимизацию или ре-виктимизацию в межличностном взаимодействии» [11, с. 41].

Таким образом, в психологии «виктимность» понимается как совокупность физических, социальных или психологических особенностей личности, которые повышают риск превращения человека в жертву.

М. А. Одинцова выделяет социальную и игровую роль жертвы [11]:

1. Социальная роль жертвы — предписана обществом, а исполняет данную роль стигматизированная категория людей. В современном понимании стигма — это социальный атрибут, который дискредитирует человека или социальную группу («гадкий утенок», «белая ворона», «мальчик для битья», «козел отпущения»).

2. Игровая роль жертвы — это поведенческая модель, при которой человек сознательно или бессознательно принимает на себя роль страдающего, беспомощного или несправедливо обиженного, ожидая спасения от окружающих.

Виктимность сопряжена с пассивной жизненной позиции вследствие либо страха проявления активности, ввиду имеющегося негативного прошлого опыта, когда любые инициативные действия подавлялись, обесценивались или наказывались социальным окружением, либо вследствие открытых преимуществ культивирования и демонстрации собственной беспомощности, активирующих уже механизм экономии интеллектуальных, волевых, временных и иных ресурсов в решении различных жизненных задач за счет переадресования ответственности за их решение близкому окружению. Виктимная личность отличается виктимным мышлением, содержащим множество когнитивных искажений, позволяющих поддерживать свою искаженную картину мира, подтверждающую мнение о собственной слабости, уязвимости и враждебности, опасности среды.

По мнению Г. Шроу и Р. Деннисон, метакогнитивная включенность позволяет человеку планировать, отслеживать и контролировать процесс собственной познавательной деятельности [12, с. 460]. Метакогнитивная включенность отличается рефлексивной направленностью, интегрирует процессы регуляции и контроля, ориентированные на активацию познавательных процессов в направлении верной иденти-

фикации возникшей задаче, траектории интеллектуального продвижения в ее решении, поиска и распределения ресурсов для достижения верно спроектированного результата. Принципиально важным является тот факт, что метакогнитивная включенность побуждает человека к признанию факта существования проблемы и необходимости ее решения.

Базой для исследования выступило учреждение образования «Барановичский государственный университет». Выборка исследования состоит из 140 испытуемых (70 девушек, обучающихся на первом курсе, и 70 девушек, обучающихся на 4 курсе). Были использованы такие методики, как опросник «Тип ролевой виктимности» (М. А. Одинцова, Н. П. Радчикова) и опросник «Метакогнитивная включенность в деятельность» (Г Шроу и Р. Деннисон, в адаптации Е. И. Периковой, В. М. Бызовой). Статистическая обработка данных осуществлялась посредством проведения корреляционного анализа данных (вычислялся коэффициент корреляции Спирмена).

Рассмотрим характеристики метакогнитивной включенности в деятельность девушек, являющихся студентами первого курса, склонных к исполнению социальной роли жертвы.

Прежде всего, им присущ низкий уровень сформированности метакогнитивных знаний ($r = -0,29$, $p = 0,03$), т. е. понимания того, как структурировать информацию, понимания цели применения стратегий решения задач, умения варьировать стратегиями обработки информации в зависимости от стоящих задач, критериев качества принимаемых решений, понимания критериев самомотивации, умения использовать свои интеллектуальные преимущества для компенсации своих слабых сторон познавательной деятельности. В частности:

- низкий уровень сформированности декларируемых знаний ($r = -0,42$, $p = 0,00$), т. е. знаний о своих познавательных процессах, о том, какие виды интеллектуальной деятельности даются сложнее или проще, в какой форме проще воспринимать, запоминать и осмысливать информацию, о том, какие способы обработки текстовой информации более приемлемы для них лично:

- низкий уровень сформированности процедурных знаний ($r = -0,33$, $p = 0,01$), т. е. понимание в низкой степени того, как применить разные стратегии интеллектуальной активности, познавательной деятельности в различных условиях, в т. ч. в условиях нехватки информации или временных ограничений, в новых ситуациях;

У виктимных девушек первого курса также фиксируется низкий уровень развития метакогнитивного регулирования ($r = -0,31$,

$p = 0,02$), т. е. умения контролировать, направлять, оценивать, корректировать свои когнитивные процессы. В частности, отмечается:

– низкий уровень развития навыков осуществлять планирование познавательной деятельности ($r = -0,30, p = 0,02$), т. е. неумение ставить перед собой цели и предвидеть результат своей познавательной деятельности (деятельности по восприятию, запоминанию, анализу и осмыслению информации);

– низкий уровень сформированности стратегий управления информацией ($r = -0,34, p = 0,01$), т. е. стратегий по обработке больших массивов информации на основе анализа, сравнения, обобщения, синтеза и пр.;

– низкий уровень умения осуществлять контроль компонентов познавательной деятельности ($r = -0,30, p = 0,02$), т. е. отслеживать полноценность, качество и правильность решения интеллектуально-познавательных задач, связанных с восприятием, памятью, мышлением и воображением;

– низкий уровень умения осуществлять объективное оценивание познавательной деятельности ($r = -0,25, p = 0,03$), т. е. отсутствует склонность к рефлексии (что было трудно, что можно усовершенствовать, облегчить, что нужно или не нужно).

Гипервиктимные первокурсники, перешедшие от исполнения социальной роли жертвы к исполнению игровой роли жертвы наряду с демонстрацией агрессивности, враждебности, непринятия себя и других, склонные к игровой и социальной роли жертвы (ролевой тип), имеют следующие особенности в метакогнитивной включенности: низкий уровень сформированности декларируемых знаний ($r = -0,35, p = 0,01$), умения осуществлять планирование познавательной деятельности ($r = -0,29, p = 0,03$) и ее оценивание ($r = -0,20, p = 0,03$), сформированности стратегий управления информацией ($r = -0,28, p = 0,03$), т. е. неумение работать с данными, отсутствует гибкость в выборе наиболее эффективным методов работы с материалом. При этом отсутствует значимая взаимосвязь с такой составляющей метакогнитивных знаний, как процедурные знания, а также с такими составляющими метакогнитивного регулирования, как контроль компонентов познавательной деятельности.

Характеристики метакогнитивной включенности аутовиктимных студентов первого курса не установлены.

Среди первокурсников, склонных к игровой роли жертвы, обладают высоким уровнем сформированности условных знаний ($r = 0,29$,

$p = 0,03$), т. е. знаний о том, где и когда стоит лучше применять ту или иную когнитивную стратегию.

Для четверокурсниц, склонных к социальной роли жертвы, в контексте метакогнитивной включённости была обнаружена обратная связь со шкалой «Оценка» ($r = -0,25$, $p = 0,00$), что выражается в неумении подводить итог в проделанной работы.

У гипервиктимные девушки на четвертом курсе в низкой степени умеют осуществлять оценивание своей познавательной деятельности ($r = -0,20$, $p = 0,03$), т. е. полученный результат познания не подвергается критике.

Из полученных результатов можно увидеть, что у виктимных девушек четвертого курса меньше компонентов метакогнитивной включённости в деятельность, устойчиво представленных на низком уровне развития, чем у виктимных и гипервиктимных девушек на первом курсе. Можно предположить, что обучение в университете способствует приобретению опыта организации метапознания.

Заключение. В целом, можно констатировать, что виктимные студенты, имеющие социальные ярлыки, обуславливающие их исключение из социальных отношений, отличаются низким уровнем сформированности как метакогнитивных знаний, так и метакогнитивного регулирования. Соответственно, они подвержены формированию ошибочной картины мира и иррациональных представлений о себе, других людях, а также могут иметь сниженную эффективность познавательной деятельности по сравнению с невиктимными однокурсницами. Гипервиктимные студенты, имеющие рентные установки на виктимное поведение, могут с переменным успехом осуществлять метакогнитивное регулирование и владеют фрагментарными метакогнитивными знаниями, что, вероятно, позволяет им извлекать информацию, нужную для манипуляции другими людьми.

Аутовиктимные студенты первого курса и четвертого курса не владеют сформированной структурой метакогнитивной включённости в деятельность, метакогнитивная включённость возникает у них ситуативно и не связана с осознанностью. Хотя на четвертом курсе аутовиктимные девушки понимают, при каких условиях лучше применять те или иные стратегии познания.

Отмечается меньшее количество составляющих метакогнитивной включённости, развитых у девушек с виктимными деформациями личности на низком уровне, на четвертом курсе.

В целом, отмечается стихийное развитие метакогнитивной включенности у девушек с виктимными деформациями личности, поскольку уровень развития ее составляющих может варьировать: не выявлен статистически подтвержденный уровень развития составляющих метакогнитивной включенности, устойчиво проявляющийся у данной категории студентов. Это может приводить к когнитивной усталости по причине неумения распределять свои когнитивные ресурсы в решении познавательных задач, игнорированию возникающих проблем, отказу от занятия активной позиции познающего субъекта. Значит, необходимы целенаправленные мероприятия по развитию метакогнитивной включенности в деятельности у студентов, склонных к виктимности, аутовиктимности и гипервиктимности.

Полученные результаты могут быть использованы педагогом-психологом в учреждениях высшего образования для разработки коррекционно-развивающих программ. Эти данные будут полезны в обновлении содержания таких дисциплин, как «Психология развития», «Психологическая виктимология», «Психология психических процессов».

Список цитируемых источников

1. Швачкина, Л. А. Жертвенные формы поведения в обществе и культуре / Л. А. Швачкина, В. И. Родионова, В. О. Бродовская // Гуманитарий юга России. — 2018. — Т. 7, № 2. — С. 242—250.
2. Lukianoff, G. The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure / G. Lukianoff, J. Haidt. — New York : Penguin Press, 2018. — 332 p.
3. Бызова, В. М. Метакогнитивная включенность в системе психической саморегуляции студентов / В. М. Бызова, Е. И. Перикова, А. Е. Ловягина // Сибирский психологический журнал. — 2019. — № 73. — С. 126—140.
4. Каменева-Любавская, Е. Н. Развитие навыков метакогнитивной включенности в деятельность при обучении способам понимания текста / Е. Н. Каменева-Любавская, Т. В. Борзова // Российский психологический журнал. — 2024. — № 21 (3). — С. 214—228.
5. Карпов, А. А. Исследование общих способностей как детерминант метакогнитивной регуляции управленческой деятельности / А. А. Карпов, А. И. Кулаков // Ярославский педагогический вестник. — 2018. — Т. 2. — С. 136—143.
6. Холодная, М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования / М. А. Холодная. — СПб. : Питер, 2002. — 272 с.
7. Balcikanli, C. Metacognitive Awareness Inventory for Teachers (MAIT) / C. Balcikanli // Electronic Journal of Research in Educational Psychology. — 2011. — Vol. 9. — P. 1309—1332.
8. Thompson, V. Conflict, metacognition, and analytic thinking / V. Thompson, S. C. Johnson // Thinking and Reasoning. — 2014. — Vol. 20, № 2. — P. 215—244.

9. Франк, Л. В. Виктимология и виктимность / Л. В. Франк. — Душанбе : ИРФОН, 1972. — 126 с.

10. Одинцова, М. А. Психологический анализ факторов виктимизации россиян и белорусов / М. А. Одинцова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2012. — № 45. — С. 75—80.

11. Яценко, Т. Е. Характеристики психологического здоровья юношей и девушек, склонных к виктимному поведению / Т. Е. Яценко, Л. А. Русецкая // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. — 2019. — № 2 (16). — С. 62—65.

12. Schraw, G. Assessing metacognitive awareness / G. Schraw, R. S. Dennison // Contemporary Educational Psychology. — 1994. — Vol. 19. — P. 460—475.

УДК 159.923.3

Т. Е. Яценко, Д. Д. Соколина

Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь

СИСТЕМА ЗНАЧИМЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ В ЮНОСТИ: ПОКАЗАТЕЛИ ЗНАЧИМОСТИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ

В статье актуализирована проблема значимых потребностей современных юношей и девушек. Описаны виды базовых потребностей личности. Представлены результаты эмпирического исследования значимости и удовлетворенности базовых потребностей в юности, а также группы психологических потребностей и потребности в поиске острых ощущений. Отмечены различия в значимости и удовлетворенности потребностей у юношей и девушек.

Ключевые слова: потребности; базовые потребности; психологические потребности; удовлетворенность потребности; значимость потребности юношеский возраст.

Библиогр.: 5 назв.

T. E. Yatsenko, D. D. Sokolina

Baranovichi State University, Baranovichi, Belarus

SYSTEM OF SIGNIFICANT NEEDS OF THE PERSONALITY IN YOUTH: INDICATORS OF SIGNIFICANCE AND SATISFACTION

The article actualizes the problem of significant needs of modern young men and women. The types of basic needs of the individual are described. The results of an empirical study of the significance and satisfaction of basic needs in adolescence, as well as a group of